

Олег ГУБАРЬ

Потемкинская лестница — разорительный долгострой?

Продолжаем серию публикаций, посвященных традициям градостроительства, архитектуры, риэлторства Одессы и связанным с ними ретроспективным общественным бытом. Неизменный спонсор рубрики — агентство недвижимости "Капитал", давно и плодотворно работающее на отечественном рынке недвижимости. На этот раз речь пойдет о знаменитой лестнице.

Один из главных брендов и символов Одессы, Потемкинская лестница — классический образец долгостроя и одновременно блистательный пример того, как дорогая и в принципе лишённая практического смысла игрушка со временем обретает абсолютно новые свойства и качества, становится памятником архитектуры, предметом гордости местного значения, неотъемлемой частью одесского мифа.

Разумеется, мифа. Ведь даже само название — Потемкинская — применительно к "бульварной лестнице", "гигантской лестнице" или "лестнице Приморского (Николаевского) бульвара" не имеет ровно никакого исторического смысла. Новое название прижилось исключительно по поводу зна-

менитого фильма Сергея Эйзенштейна "Броненосец "Потемкин", точнее — душераздирающей сцены расстрела мирных граждан на ступенях означенной лестницы. На самом деле никакого расстрела тут не было, и быть не могло, ибо подходы к этой и другим лестницам, ведущим из города в порт, были блокированы полицией, и никакие детские коляски с нее отродясь не скатывались. Правда, все 200 ступеней и десять пролетов (собственно говоря, ступеней тогда было уже только 192) в начале прошлого века одолел на допотопном авто Сергей Уточкин, а в ходе первой "Юморины" тот же слалом заядлые одесситы повторили на стареньком горбатом "Запорожце".

Весьма рельефно обозначили ситуацию со строительством Бульварной лестницы супруги Адель и Ксавье Оммер де Гелль, посетившие Одессу в конце 1830-х. Это свидетельство тем более значимо, что Ксавье — выдающийся французский ученый, лауреат Географического общества, дипломированный горный инженер, изучавший природные ресурсы Украины и награжденный орденом святого Владимира за открытие железорудного месторождения на Днепре. "В течение двух или трех лет, — пишут Оммер де Гелль, — сооружается гигантская лестница, которая, открываясь на Бульвар, плавно спускается к берегу моря. Это сооружение — фантазия столь же разорительная, сколь и бесполезная, — уже поглотило огромные средства, и обойдется примерно в миллион. Ее хотят украсить вазами и статуями, однако сильные трещины уже сейчас вызывают опасение грядущего разрушения этой огромной лестницы, которая, между прочим, всегда будет служить лишь гуляющим на Бульваре". Опытный глаз естествоиспытателя тотчас же заметил, что сложнейшее инженерно-техническое сооружение возводится без надлежащих проработок, на русское авось.

Специалисты издавна называют Одессу "букетом инженерно-геологических неприятностей", поскольку здесь имеют место быть все без исключения негативные явления, связанные с инженерной геодинамикой, в том числе оползни, осовы, просадки, крип и проч. В свою очередь, эти явления обусловлены специфической стратиграфией, то есть, выражаясь непрофессионально, послойным строением почвы, и гидрогеологией, то есть наличием подземных вод на различных уровнях. Приморский обрыв, к каковому прилегает Потемкинская лестница, представляет собой как бы стандартный одесский стратиграфический разрез: наверху — тонкий почвенный слой, под ним — лессовидные суглинки, ниже — красно-бурые глины, которые подстилает мощный слой известняков (из них и построен весь старый город), а они, в свою очередь, лежат на голубоватых глинах, известных в просторечии как "кил" — заменитель мыла. Так вот, боль-

шинство неприятностей происходит по той простой причине, что при замачивании суглинки и глины основательно меняют свои физико-механические свойства, в частности, объем. Замачивание же неизбежно, коль скоро подземные воды заведомо не дренированы. Строительство же Бульварной лестницы вдвойне осложняло то обстоятельство, что подземные воды как раз и выходят на поверхность в приморских обрывах: как говорят гидрогеологи, эти воды тут "разгружаются" в море.

Все эти непростые обстоятельства авторы идеи, да и самого проекта, поначалу вовсе не учитывали. К середине 1830-х бульвар был полностью застроен чередой элитарных особняков местной знати. На правом его крыле помещалась дворцовая усадьба краевого генерал-губернатора графа М.С. Воронцова, на левом — биржа. Между ними величаво соседствовали особняки графа Потоцкого, графа Нарышкина, князя Лопухина, Столыпина, ближайших к Воронцову чиновников Марини, Зонтага, Маюрова, крупных negociантов Родоканаки, Сарато, Верани, Фуко и др. Несколько позднее некоторые из этих зданий перешли во владение не менее видных персонажей региональной истории — Строганова, Маразли, Ралли, Ефруси, Вассаля, Гари, Росси и др. В середине этой вереницы роскошных палаццо образовалась как бы небольшая площадь, ограниченная двумя так называемыми полуциркульными домами, установленным в их просвете монументом первому одесскому градоначальнику герцогу де Ришелье и двумя бульварными аллеями. В правом из этих зданий располагались так называемые присутственные места (городская дума, управа

и др.), а в левом — фешенебельная "Санкт-Петербургская" гостиница. И вот при всей этой красоте неопикуемой по обрывам стыдливо прятались лишь ветхие деревянные лестнички, наподобие тех, по которым "с крутого берега сбегая", к морю отправлялся и сам коллежский секретарь Александр Пушкин. По мысли Воронцова, "лестница-монстр" должна была достойно увенчать бульварный ансамбль с морской стороны, дабы с судов, входящих в одесский порт, так сказать, представить товар лицом. Эта метафора не покажется пошлой, если принять во внимание тот факт, что юную Одессу надо было "пиарить", привлекая как материальные, так и гуманитарные ресурсы, катализирующие ее рост.

Сказано — сделано. Недолго думая, строительство лестницы отдали, как это водилось, с торгов в подряд. Подрядчиком же, что небезынтересно, выступил владелец левого полуциркульного здания, Г. Завацкий. О нем известно, что был он "чиновником 14-го класса", но поправил свои дела выгодной женитьбой "на дочери унтер-офицера, получившего часть знаменитой Воротынецовской лотереи". Больше нам этого Завацкого упрекнуть не в чем, хотя весь следующий сюжет строительства носит вполне анекдотический или, скорее, казусный характер. Видный одесский архитектор итальянского происхождения Ф.К. Боффо, участвовавший, между прочим, и в сооружении упомянутых полуциркульных зданий, в феврале 1836 года "представил составленные им кондиции на строение с бульвара к морю каменной лестницы". А Завацкий приступил к работам в январе следующего, 1837-го. В чем же казус? Ну, прежде всего, в определении категорически нереальных сроков строительства. Ни за что не догадается, сколько времени отвели 170 лет назад на исполнении столь сложного и грандиозного проекта. Семь месяцев! Надо полагать, что если бы сегодня в распоряжение производителя работ предоставили бы самую современную технику, самых профессиональных и добросовестных специалистов, то и тогда едва ли кто рискнул бы взяться за исполнение. Совершенно непостижимо, как местный Строительный комитет, наученный к тому времени горьким опытом создания гидротехнических сооружений, первых мостов, маяков и т. д., отважился на такую аферу.

Судя по всему, подрядчик не имел ни малейшего понятия о тех инженерно-геологических сюрпризах, которые приготовил ему крутой приморский склон, да и узкая прибрежная полоса. И в заблуждение его, очевидно, ввел самонадеянный эскизный проект Боффо. Известный историк градостроительства Одессы В.А. Чарнецкий, серьезно занимавшийся наследием этого зодчего, когда-то справедливо заметил: "Прекрасный архитектор-ху-

дожник, Боффо в своих проектах почти не уделял внимания инженерному обеспечению объектов". Да, он строил много, и множество его творений по сию пору радуют глаз и душу. Однако можно, например, вспомнить, чем обернулись конструктивные недостатки проекта местного института благородных девиц: через двадцать лет после постройки здание пошло под снос. Та же история повторилась и в ходе сооружения Бульварной лестницы: полное игнорирование инженерной геологии привело к изнурительному долгострою. Забавно то, что Боффо, похоже, сознательно подкладывал свинью за свиньей некоторым своим коллегам и чиновникам, поскольку на самом деле был архитектором очень грамотным. Так, он лично обнаружил конструктивные недостатки и упущения проекта колокольни Спасо-Преображенского собора, устранил их и довел дело до положительного результата. Однако характер у него был крайне неуживчивый, и он то и дело вступал с местной администрацией в конфликты, заканчивавшиеся даже судебными разбирательствами. Очень возможно, ему вообще был не по нраву разорительный проект никому в принципе не нужной лестницы, по сути представлявший затеянную Воронцовым рекламную акцию.

Так или иначе, а строительство шло из рук вон скверно: бесконечные

обвалы, локальные оползни, потоки воды препятствовали проведению работ, а то и сводили их на нет. Разумеется, к 1 августа 1837 года и речи не могло идти об исполнении подряда. Завацкий попросил дать ему отсрочку до 15 ноября, но и к этому сроку, разумеется, мало что изменилось. Тогда заказчики сильно встревожились и сформировали специальную наблюдательную комиссию, в состав которой включили английского инженера Уптона, военного инженера Морозова и гидротехника Фан-дер-Флиса. Комиссия не только обревизовала строительство, но пересмотрела первоначальный проект и внесла в него существенные изменения. Завацкий, естественно, запротестовал, поскольку таким образом появился целый реестр не предусмотренных сметой видов работ. Впрочем, "соскочить" ему не удалось: нового подрядчика, понятно, найти было невозможно, а потому в приказном порядке обязали продолжить начатое старого.

Если прибегнуть к несколько гипертрофированной иллюстрации, характеризующей конструкцию Бульварной лестницы, можно говорить о том, что это по существу мост — наклонный пешеходный мост, связывающий высокое плато с морским берегом. И сооружалась она как мост — многоарочный, на разновысоких опорах-быках. Согласно уточненному проекту Уптона, этот массивный блок из местного известняка опирался на мощные деревянные сваи, "каменные столбы" и прорезался тремя продольными и девятью поперечными сводчатыми коридорами. Эти-то поперечные галереи образовывали на боковых гранях лестницы представительные каменные аркады. Разница в ширине нижнего и верхнего маршей (21,7 и 13,4 метра) создавала эффект перспективы, усиливала ощущение масштабности. Сперва лестница вела непосредственно к морю, но в дальнейшем, после устройства насыпной набережной, восемь нижних ступеней утонули в грунте. Таким образом, возникали проблемы не только "вверху", но и "внизу": узкий пляж был не самым лучшим основанием для такого сооружения, ибо не мог препятствовать абразии, то есть волновому воздействию на основание склона. Пришлось не только искусственно наращивать пляж, но и подпирать приморский обрыв отсыпками огромного количества грунта.

Теперь легко понять и по достоинству оценить замечание французского инженера, назвавшего Бульварную лестницу разорительной безделушкой. Судите сами: в середине 1830-х все годовые доходы города суммарно простирались лишь до 1,3 млн. руб. Расходы же всех предприятий Строительного комитета исчислялись примерно 175 тысячами, в том числе: на ремонт гидротехнических сооружений — 20 тысяч, на устройство и почин-

ку дорог, мостов, сточных канав — 23,5 тысячи. А тут — чуть не миллион! И для чего? Для того чтобы праздная публика не напрягалась, совершая моцион. Довольно сказать, что во всем городе тогда не насчитывалось и 60 тысяч жителей. Эти пионеры не имели ни водопровода, ни канализации, ни вообще надежных источников водоснабжения, ни топлива, ни строительных материалов (помимо известняка, который добывали, что называется, с кровью), ни общественного транспорта, ни оградительных гидротехнических сооружений. И все это в условиях засушливого климата, холерных и чумных эпидемий, постоянной военной угрозы и перманентном недоброжелательстве верхних эшелонов власти.

Но все пересилила волевая натура М.С. Воронцова, который уж если за что-то брался, то всегда доводил задуманное предприятие до конца. Несмотря на то, что первые 200 тысяч, выделенные на сооружение лестницы, быстро сгорели, сиятельный граф решительно распорядился "безостановочно отпускать деньги". Новый контракт с Завацким предусматривал окончание работ к началу июня 1838 года, но поскольку и эту дату взяли с потолка, то далее уже ни о каких сроках речи не шло. Осенью того же года последовали новые обвалы бровки плато, а потому уже в мае 1839-го комиссия надзора за постройкой признала, что "знать не может", повторятся ли оные неприятности, "доколе не выведется до настоящей высоты первый к обрыву бык и арка, служащая связью этого быка с горою". Дальнейшие боевые действия велись с переменным успехом: то верх брали подземные

воды и обвалы, то их наступление останавливалось, скажем, устройством дренажной штольни меж лестницей и усадьбой Воронцова. Затем появился водовод и с противоположной стороны, и строителям пришла на ум следующая грандиозная идея: поскольку дебит подземных вод казался постоянным, почему бы не сделать внизу бассейны с фонтанами? Подобное стремление в лишенном воды городе вполне понятно. Последовали очередные расходы на крымский гранит и чугунные водопроводные трубы, однако в конечном итоге они оказались напрасными, ибо по целому ряду причин бассейны с фонтанами так никогда и не были сооружены.

И снова курьез. С апреля по ноябрь 1841 года включительно строительство лестницы инспектировала солидная столичная комиссия, в конечном итоге пришедшая к заключению, что лестница как будто совершенно окончена. На самом деле фактическая ее сдача в эксплуатацию произошла лишь в 1842-м, а сама комиссия по наблюдению была расформирована в 1845-м, что тоже наводит на определенные размышления. И точно, согласно архивным документам, в 1843-м и даже гораздо позднее архитекторы Даллакка и Козлов все еще продолжали бороться с деструкцией подземных вод. Впоследствии склон по обе стороны лестницы был основательно укреплен "висячими садами", разбитыми на насыпном грунте. Занимательно, что недавние археологические шурфы в пределах этих отсыпок удостоверили их, так сказать, вещественный состав. Тут складировали преимущественно бытовой мусор, обильно вывозившийся из жилых домов, различных заведений, включая питейные, — уникальные фрагментированные штофы, рюмки на высоких поддонах, глиняные трубки, кальяны и даже пушечное ядро, вероятно, затесавшееся в ходе бомбардирования Одессы англо-французским флотом 10 апреля 1854 года.

Еще анекдот. Как установил по архивным материалам В.А. Чарнецкий, Бульварную лестницу принимал по описи... командир одесских арестантских рот майор Драгутин. Реестр принимаемого имущества презабавен: "Арок, сложенных из штучного камня — 32, сводов между арками — 24, столбов из штучного камня — 16, заделок между фундаментами столбов — 16". И далее в том же духе — 13 позиций, включающих 319 конструктивных деталей. Любопытно знать, как именно командир арестантских рот сверял "детали" с описью и ставил "птички".

Да только и это еще не последний казус. Главный-то наш фигурант, Завацкий, ведь здорово прогорел на этом деле, поскольку долго продолжал работы в принудительном порядке без дополнительных бюджетных инъекций. Так вот, добиваясь справедливости, он отважился обратиться

за помощью к самому самодержцу всероссийскому. И что бы вы думали? — монарх внял его челобитной: в 1847-м Сенат постановил, что "комитет и комиссия, наблюдавшая за построением в городе Одессе губернским секретарем Завацким по подряду каменной лестницы от бульвара к морю, признаны виновными в противозаконных в отношении подрядчика действиях". В результате ему было возвращено 77584 рубля, каковые, разумеется, тоже следует внести в общую "расходную копилку" строительства.

...Прошли годы, все означенные мелочи жизни давно позабыты. С тех пор Бульварной лестницей восхищались десятки знаменитостей, включая Марка Твена, Жюль Верна, Юзефа Крашевского, Олимпиаду Шишкину, А.Н. Островского, Якова Полонского, Ивана Нечуй-Левицкого и многих других. Потемкинская лестница сделалась одним из привычных и понятных одесских символов. Сегодня никому не придет в голову упрекать Воронцова в неоправданных тратах, хотя мы отлично видели, что тогда они и впрямь были разорительны для городского бюджета, и сильно обделяли горожан по всем статьям. Но это же все равно, что постфактум обвинять фараонов в безумных "пирамидальных" проектах или, скажем, Семирамиду в устройстве тех же "висячих садов". Смешно, конечно, устраивать ретроспективное судилище над историческими персонажами в духе школьных судов над Онегиным и Печориным. И это пройдет. История все списывает. В том числе и миллион или что-то около того, потраченный на Бульварную, то бишь Потемкинскую лестницу...

